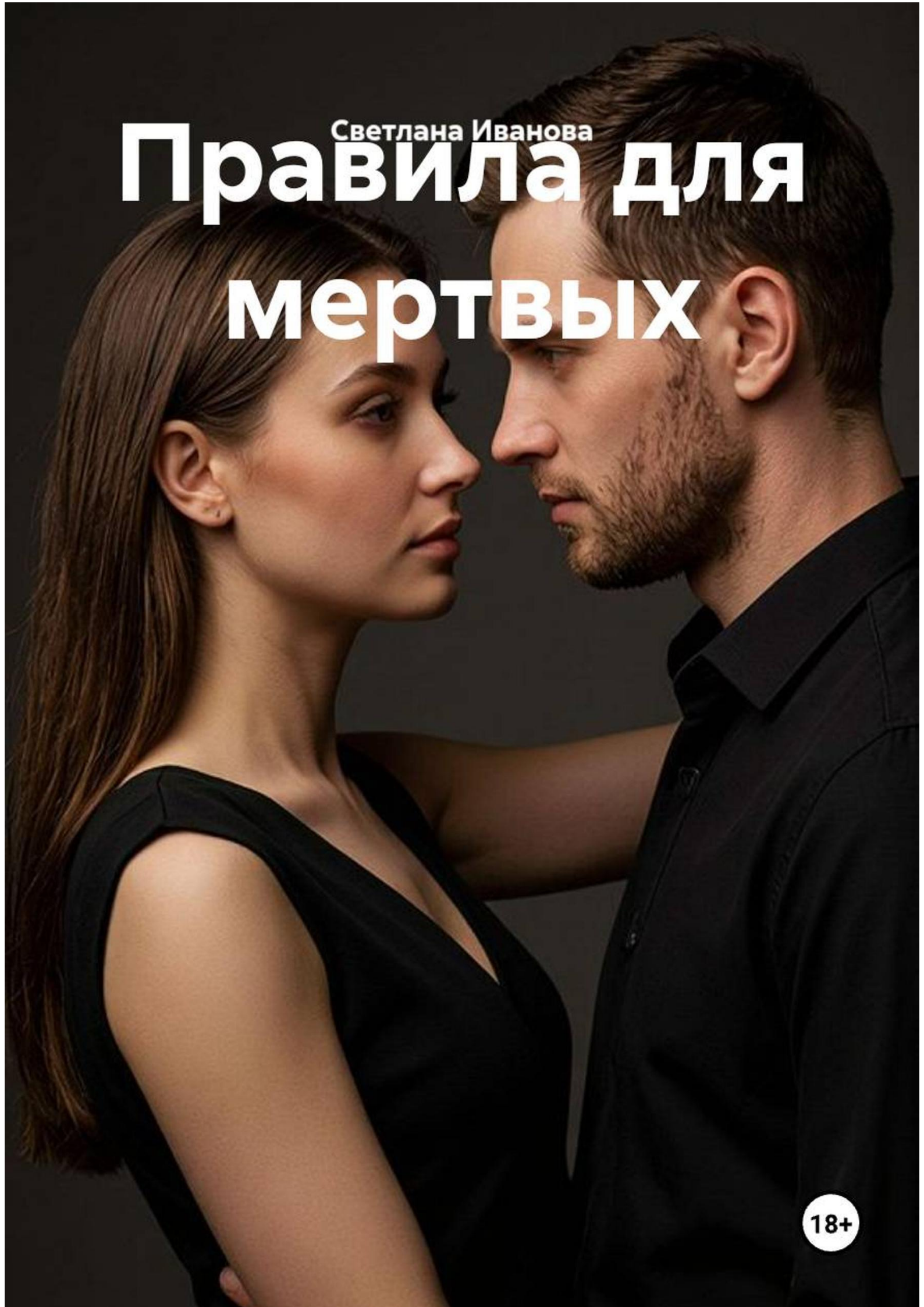

A man and a woman are shown in profile, facing each other very closely. The woman is on the left, with long brown hair, wearing a black sleeveless top. The man is on the right, with short brown hair and a beard, wearing a black button-down shirt. They are both looking at each other with serious expressions. The background is a dark, solid color.

Светлана Иванова

Правила для мертвых

18+

Светлана Иванова

Правила для мертвых

«Автор»

2026

Иванова С.

Правила для мертвых / С. Иванова — «Автор», 2026

Это история о Наде и Марке — паре, которая учится строить отношения не на обещаниях и догадках, а на честном разговоре и взаимном уважении. Им предстоит принимать решения, справляться с переменами и не пытаться выбирать путь друг за друга. Роман — о близости, доверии и умении оставаться рядом, даже когда будущее неясно.

© Иванова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Не входить без разрешения.	5
Не возвращаться за тем, что уже горит.	10
Комната без окон.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Правила для мертвых

Не входить без разрешения.

В доме Кирилла Воронцова не было часов. Над камином висела картина с чёрным морем, в коридорах стояли античные статуи без лиц, а на окнах темнели тяжёлые шторы. Но часов не было ни в одной комнате — будто хозяин не желал признавать, что время способно унести у него хоть что-нибудь. Надя заметила это сразу. Она привыкла замечать то, что люди надеялись скрыть.

— Вы опоздали, — сказал Воронцов.

Он стоял у длинного стола, небрежно опершись ладонями о полированное дерево. Ему было сорок один. Надя знала это из газет, из чужих шёпотов и из документов, которые не следовало читать. На фотографиях он выглядел старше — человек, которого жизнь не столько состарила, сколько научила не показывать усталость. Вблизи он оказался опаснее. Не из-за плеч, широких даже под строгим костюмом, и не из-за двух молчаливых мужчин у дверей. Опасность сидела в его неподвижности. Воронцов не делал ни одного лишнего движения. Он смотрел на Надю так, словно уже вычислил, где у неё слабые места, и теперь решал, какое из них тронуть первым.

— На двенадцать минут, — ответила она.

— У меня сломалась машина.

— У вас есть машина?

— Теперь уже нет.

Его рот дёрнулся, но улыбкой это не стало. Надя положила на стол тонкую папку. Не сняла пальто. Не приняла предложенное кресло. Она не собиралась вести себя так, будто пришла сюда на деловую встречу, а не в дом человека, которого половина города боялась называть по имени.

— Вы просили проверить счета компании «Северный причал», — сказала она.

— Я проверила.

— И?

— Они чистые.

— Не верю.

— Это не мешает им быть чистыми.

— Вы проверяли три дня.

— Я проверяла три дня, потому что вы дали мне доступ к трём дням документации.

Воронцов выпрямился. Его люди у двери переглянулись, но он не посмотрел на них.

— Вам нужен полный архив?

— Мне нужен архив, который вы не будете редактировать задним числом.

— Вы обвиняете меня во лжи?

— Я бухгалтер. Я обвиняю вас в плохом документообороте.

Теперь улыбка всё-таки появилась — короткая, холодная. Надя пожалела, что заметила: у него было красивое лицо, если не смотреть на глаза. Или особенно красивое, если смотреть слишком долго и забывать, что красота тоже бывает оружием. В папке лежала копия бухгалтерского журнала, найденного в квартире её брата после его смерти. Семь страниц цифр, две страницы пропусков и одна строка, обведённая синим карандашом: перевод на счёт фирмы-прокладки, принадлежавшей «Северному причалу». Лев был мёртв четыре месяца. Официально — погиб при пожаре в мастерской. Следователь назвал причиной неисправную проводку. Надя назвала причиной пожара канистру с бензином, которую нашли на лестнице и забыли внести в протокол. А теперь на её столе лежали счета человека, чья компания мелькала в записях брата.

— Вы знали Льва, — сказала она.

Воронцов не спросил, откуда ей это известно.

— Да.

— Насколько хорошо?

— Достаточно.

— Чтобы убить его?

Один из мужчин у двери шагнул вперёд. Воронцов поднял палец, и тот замер.

— Если бы я хотел вас напугать, Надежда Сергеевна, я бы выбрал слова получше.

— Вы и так выбрали их достаточно ясно.

— Тогда не тратьте время на вопросы, ответы на которые не сможете принять.

Она почувствовала знакомое сжатие под рёбрами. Это было не страхом — страх делал её медленнее. Скорее, тело вспоминало, каково это, когда кто-то сильнее тебя решает, что тебе позволено знать. Надя стиснула край папки и отпустила.

— Я не пришла просить вас рассказать мне, кто убил брата.

— А зачем пришли?

— Узнать, почему он переводил деньги вашей компании за неделю до смерти.

— Вы уже знаете.

— Нет. Я знаю, что деньги ушли. Не знаю, за что.

Воронцов обошёл стол. Не спеша. Остановился в паре шагов от неё.

— Ваш брат занимался тем, что умел делать лучше всего: превращал чужие секреты в товар.

— Он реставрировал картины.

— Это он говорил семье?

— Это он говорил всем.

— Он умел восстанавливать подлинники. И умел создавать подделки, которые проходили экспертизу. Оба навыка полезны.

Надя смотрела на него, не моргая. Лев никогда не рассказывал ей о подделках. Он рассказывал о заказчиках, которые не умели отличить Ван- Дейка от хорошо состаренного холста. О терпении, о лаках, о том, что искусство часто держится на чужой уверенности. Но не о преступлениях.

— Вы его наняли?

— Нет.

— Тогда кто?

— Человек, который сейчас пытается стереть все следы его работы.

— И вы хотите, чтобы я их нашла?

— Я хочу, чтобы вы проверили счета.

— Вы хотите, чтобы я нашла убийцу, не произнося этого вслух.

— Мне не нравится, когда люди говорят о смерти, как о задаче с одним ответом.

— А мне не нравится, когда люди нанимают меня и скрывают половину условий.

— Вы ещё не согласились.

— Потому-что не знаю условий.

Воронцов посмотрел на папку.

— Условие первое: все документы, которые вы обнаружите, останутся здесь.

— Нет.

— Вы даже не подумали.

— Я подумала. Ответ всё равно нет. Я буду делать копии.

— Тогда я не дам вам доступ.

— Тогда вы не узнаете, кто сжёт мастерскую.

На этот раз он замолчал. В доме было так тихо, что Надя услышала, как за стеной щёлкнуло отопление. Воронцов не отвёл взгляда, но в его лице что-то изменилось — не боль, нет. Боль он наверняка давно научился прятать. Скорее, раздражение человека, которого заставили посмотреть туда, куда он не собирался.

— Вы торгуетесь с чужой смертью, — сказал он.

— Нет. Это вы.

— Вы не знаете, с кем имеете дело.

— А вы не знаете, что я уже потеряла.

Он помолчал, потом указал на кресло.

— Садитесь.

— Нет.

— Это не просьба.

— А я не сотрудница вашей охраны.

Мужчины у двери больше не переглядывались. Надя вдруг ясно поняла: Воронцов привык к тому, что любое несогласие вокруг него быстро превращалось в согласие. Просто потому, что людям было проще уступить. Или безопаснее. Её это не делало смелой. Только злой.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Ваши условия.

— Я получаю полный архив. Делаю копии. Никто не читает мои заметки и не проверяет мою почту. Вы не лезете в мою квартиру, не трогаете мою семью и не следите за мной.

— Последнее уже происходит.

— Тогда прекратите.

— Не могу.

— Не хотите.

Воронцов не ответил. Этого оказалось достаточно.

— И ещё, — продолжила Надя.

— Не прикасайтесь ко мне. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Я не собирался.

— Отлично. Значит, с этим будет просто.

Между ними оставалось несколько шагов. Надя чувствовала, как он заполняет пространство одним присутствием. Ей хотелось отступить — не потому, что он приблизился, а потому, что тело иногда путало угрозу с притяжением. Это была старая, унижительная ошибка. Она знала её наизусть. Воронцов наклонился к папке, но не к ней.

— Вы забыли одно правило, — сказал он.

— Какое?

— Не задавайте вопросов о ночи, когда погиб Лев.

Надя закрыла папку.

— Тогда сделка отменяется.

— Вам нужны ответы.

— Да.

— А мне нужно, чтобы вы работали.

— Похоже, нам обоим придётся пережить разочарование.

Она обошла его. Впервые за всё время он не попытался остановить её. У самой двери Надя услышала:

— Человек, который убил вашего брата, знал, что Лев отправит вам копию журнала. Она остановилась.

— Откуда вы знаете?

— Потому-что оригинал был у меня.

Надя повернулась. Воронцов стоял у стола, держа в руке её папку. Он не открывал её. Просто придерживал двумя пальцами, словно напоминал: всякое доказательство в его доме всё ещё принадлежало ему.

— И вы собирались сообщить это когда-нибудь? — спросила она.

— Я сообщаю сейчас.

— Почему?

— Потому что вы пришли не за работой.

Он положил папку на стол и наконец сел — движение человека, которому надоело притворяться, что разговор идёт на равных.

— Вы пришли за разрешением ненавидеть меня.

— Мне разрешение не требуется.

— Нет. Но, возможно, вам нужен виноватый, которого можно увидеть.

— А вы подходите?

— Я подхожу для многих вещей. Это прозвучало почти как признание. Почти как предупреждение.

Надя подошла к столу и забрала папку. Их пальцы не соприкоснулись. Она отметила это — и тут же разозлилась на себя за то, что отметила.

— Что случилось с оригиналом?

— Он пропал.

— Вы потеряли его?

— У меня его украли.

— И вы не знаете кто?

— Я знаю, кто имел доступ. Но не знаю, кто из них решил продать информацию о Льве.

— А теперь вы нанимаете меня, потому что подозреваете всех вокруг.

— Теперь я нанимаю вас, потому что вы единственная из живых, кто понимает, как Лев думал. Надя хотела сказать, что он ошибается. Лев рассказывал ей о картинах, о цвете, о том, как отличить трещину от трещины, которую кто-то нарисовал. Он не рассказывал, кем стал. Но именно поэтому она и не могла уйти.

— Я не буду жить здесь, — сказала она.

— Я не предлагал.

— Не будете читать мои заметки.

— Если они не коснутся моей компании.

— Они коснутся всего, что покажется важным.

— Тогда я не дам вам доступа.

— Тогда вы не узнаете, кто убил брата.

Воронцов смотрел на неё. В его глазах не было тепла. Но и насмешки больше не было.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, от которых зависите?

— Только с теми, кто считает, что зависимость — это то же самое, что подчинение. На миг лицо Воронцова стало совсем неподвижным.

— Через час вам пришлют пропуск. Архив откроют завтра.

— И я получу копии?

— Да.

— Никто не будет за мной ходить? —

Нет.

— А правило про ночь смерти?

— Остаётся.

Надя застегнула пальто.

— Тогда и моё правило остаётся. Не прикасайтесь ко мне.

— Я уже слышал.

— Нет.

Вы слышали слова. А теперь знайте: если нарушите это правило, я уйду. Даже если буду на шаг от ответа.

— Вы уверены, что сможете?

— Нет, — сказала она. — Но проверять вам не советую.

Впервые Воронцов улыбнулся по-настоящему — без веселья, но с чем-то похожим на уважение.

— Хорошо, Надя.

— Не называйте меня так.

— Как?

— Будто мы знакомы.

Улыбка исчезла. Надя вышла, прежде чем успела заметить, что он ответит. На улице было холодно. Машину действительно пришлось оставить у дома: двигатель заглох на перекрёстке, а эвакуатор обещали только к утру. Надя достала телефон и увидела новое сообщение с незнакомого номера. «Не верь ему. Лев был жив, когда Воронцов ушёл из мастерской». Ни подписи. Ни точки. Она перечитала сообщение дважды. Потом подняла голову. В окне второго этажа стоял Воронцов. Он не махнул ей. Не сделал ни одного жеста. Просто смотрел, пока она набирала номер, от которого ждала ответа четыре месяца. Сигнал прошёл один раз. На втором конце кто-то поднял трубку и прошептал:

— Надя, не возвращайся в тот дом.

Связь оборвалась. Надя посмотрела на тёмные окна. На все те окна, за которыми не было ни одних часов.

Не возвращаться за тем, что уже горит.

Надя не побежала. Это было первое, что она решила. Второе — не возвращаться в дом Воронцова. Третье — не считать, что голос в трубке принадлежал кому-то, кто хотел ей помочь. Она отошла от ворот и остановилась у фонаря. Свет дрожал на мокром асфальте. За спиной темнел дом без часов, а в окне второго этажа всё ещё стоял Воронцов. Телефон молчал. Надя набрала номер, с которого пришло сообщение. Автоматический ответ сообщил, что абонент недоступен. Она попробовала ещё раз, затем сохранила оба сообщения и сделала скриншоты. Привычка: если не можешь доверять людям, доверяй копиям.

— Надя, не возвращайся в тот дом, — повторила она вслух.

Слова прозвучали чужим голосом. Не голосом брата — она знала бы. Но что-то в этом шёпоте царапнуло память: так говорят люди, которые боятся быть услышанными. Машины на улице почти не было. Надя пошла к ближайшей остановке, не оглядываясь. У поворота она всё же посмотрела назад. Окно было пустым. Воронцов не догнал её. Не отправил своих людей. Не позвонил. Она не знала, считать ли это уважением к её просьбе или просто терпением хищника. Автобус пришёл через девять минут. Надя села у окна и снова открыла сообщения. Номер отправителя не определялся. В журнале вызовов стояла только последняя входящая: неизвестный номер, одиннадцать секунд. Она прослушала запись. Сначала шипение.

Потом голос: — Надя, не возвращайся в тот дом.

И тишина. Ни фонового шума, ни случайного вдоха. Будто человек записал фразу отдельно и отправил её из места, где стены умели хранить секреты. Дома Надя проверила замок. Цел. Потом окна. Закрыты. Она прошла по комнатам, включила свет и только после этого сняла пальто. Квартира показалась слишком тихой. Лев когда-то жил здесь полгода, пока не нашёл мастерскую. Он занимал маленькую комнату, оставлял чашки на подоконнике и уверял, что когда-нибудь купит нормальную кофемашину. На деле он пил растворимый кофе и называл это «временным компромиссом с реальностью». После его смерти Надя не стала трогать коробки с его вещами. Не из сентиментальности. Просто однажды открыла одну из них и обнаружила там его записную книжку. На последней странице стояло её имя, написанное трижды, каждое — другим почерком. Сейчас она достала коробку из шкафа. Внутри лежали фотографии, старые кисти, квитанции и маленький металлический ключ без бирки. Надя уже перебирала всё это, но тогда ещё не знала о счетах «Северного причала». Теперь цифры из журнала складывались в новую картину. Не целиком — только в несколько линий, которые пока никуда не вели. Она разложила квитанции на полу и начала сортировать их по датам. На одной, за неделю до пожара, стояла оплата за аренду небольшого склада в промзоне. Подпись была неразборчива. Название фирмы — «Литейный двор». Надя записала адрес. Следом нашла квитанцию за такси. Маршрут: улица Седова — улица Рубежная. Время — 23:18. Пожар начался в половине первого ночи. Надя подняла глаза на старый календарь, висевший на стене. Лев обвёл дату пожара красным карандашом. Раньше она думала, что это было после смерти, — кто-то из них мог сделать это позже. Но карандаш лежал в коробке, и на бумаге сохранился глубокий след, будто Лев нажал на него изо всех сил. Под датой была короткая запись: «Он видел оригинал». Надя перечитала. Потом достала телефон и сфотографировала страницу. Кто видел оригинал? Воронцов? Тот, кто украл журнал? Человек, который убил Льва? Она перевернула календарь. На обратной стороне обнаружилась ещё одна строка, написанная почти у самого края: «Спросить М. про комнату без окон». В дверь постучали. Надя замерла. Не три быстрых удара, не два коротких и один длинный — код, которым пользовался Лев. Просто один стук. Потом второй. Она взяла телефон и подошла к двери, не включая свет в коридоре.

— Кто?

— Доставка.

— Я ничего не заказывала.

— Посылка.

Голос мужчины. Молодой, уставший, обычный. От обычности в нём было больше угрозы, чем от крика. Надя посмотрела в глазок.

Пустая площадка. Она отошла от двери и набрала номер экстренной службы. Не стала нажимать вызов — пока. Взяла с полки тяжёлую стеклянную вазу и поставила её у стены рядом с входом. Стук повторился.

— Оставьте у двери, — сказала она.

— Нужна подпись.

— Тогда заберите посылку с собой. Тишина. Потом шаги удалились. Надя осталась стоять, пока лифт не загудел и не затих этажом ниже. Только после этого она посмотрела в глазок. На коврике лежал конверт. Не посылка. Белый конверт без имени и обратного адреса. Надя не открыла дверь сразу. Сначала сфотографировала его. Потом надела перчатки для уборки и подняла конверт за угол. Внутри оказалась старая фотография. Лев стоял у входа в мастерскую. Он был жив, слегка шурился на солнце и держал под мышкой свёрнутый холст. На заднем плане, возле припаркованной машины, стоял Воронцов. Фотография была сделана за день до пожара. На обороте чёрной ручкой написали: «Воронцов ушёл в 00:14. Лев — нет». Надя снова посмотрела на снимок. Воронцов не улыбался. Лев тоже. Они стояли рядом, но между ними оставалось достаточно места, чтобы влез человек, которому не доверяют. Она набрала номер Воронцова. Он ответил после первого гудка.

— Вы просили не звонить вам, — сказал он.

— Я просила не следить за мной.

— Я не слежу.

— Тогда кто прислал мне фотографию, где вы стоите рядом с моим братом?

На том конце провода стало тихо.

— Где вы сейчас?

— Это не ваше дело.

— Надя—

— Не называйте меня так.

— Хорошо.

Где вы?

— Дома.

— Заприте дверь.

— Она и так заперта.

— Не трогайте конверт.

Она посмотрела на свои перчатки.

— Поздно.

— Что внутри?

— Фотография. Вы и Лев. За день до пожара.

Снова пауза. На этот раз дольше.

— Вам написали, во сколько я ушёл?

— Да.

— И что?

— Что Лев остался жив.

— Вы верите этому?

— Пока я не верю никому.

— Разумно.

— Вы сказали, что оригинал был у вас.

— Был.

— А теперь кто-то утверждает, что вы были в мастерской в ночь пожара.

— Я был там.

Надя сжала телефон.

— Вы только что сказали, что ушли в 00:14?

— Нет. Это написано на фотографии.

— Значит, вы не отрицаете.

— Я ушёл в 00:14.

— А Лев?

— Был жив, когда я уезжал.

Она закрыла глаза. На мгновение квартира снова стала той, где Лев пил растворимый кофе, спорил с холодильником и оставлял кисти в раковине. Той, в которой ещё оставались вопросы, а не ответы, замаскированные под улики.

— Почему вы не сказали мне этого вчера?

— Потому что вы не спросили.

— Я спросила, убили ли вы его.

— И я не ответил.

— Это не ответ.

— Я знаю.

— Кто видел вас там?

— Кроме Льва?

— Да.

— Человек, который прислал фотографию. Если он знал, когда я ушёл, значит, был рядом.

— Кто это?

— Не знаю.

— Вы не знаете человека, который был рядом с вами в ту ночь?

— Я не видел его.

В голосе Воронцова не было раздражения. Только усталость. Надя вдруг поняла, что впервые слышит её у него — не привычную холодную сдержанность, а что-то более настоящее. Это не смягчило его. Лишь сделало опаснее.

— Вы обещали не лезть в мою квартиру, — сказала она.

— Я туда не лез.

— Тогда почему вы знаете, что мне нужно запереть дверь?

— Потому что кто-то уже пришёл к вам.

Надя посмотрела на конверт.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Догадываюсь.

— Ваши люди меня отслеживают?

— Нет.

— Уверены?

— Да.

— Тогда откуда вы узнали?

— Я поставил охрану у дома.

— Это и есть слежка.

— Нет. Слежка — это когда я знаю, куда вы идёте и с кем говорите. Охрана — когда кто-то не даёт незнакомцам войти к вам.

— Я просила не следить за мной.

— Я услышал.

— Но всё равно поставили охрану.

— Да.

— Значит, вы решили, что моё разрешение не имеет значения. В ответе Воронцова не было защиты.

— Да, — сказал он.

— Решил.

Признание оказалось хуже оправдания.

— Уберите их.

— Хорошо.

— Сейчас.

— Уже позвонил.

Надя не знала, верить ему или нет. И не знала, что делать с тем, что он не стал спорить.

— Воронов—

— Воронцов, — поправил он.

— Мне всё равно. Если вы знали, что Лев был жив, почему не сказали полиции?

— Я сказал.

— Тогда почему в отчёте другая версия?

— Потому что полиция не записала мои слова.

— Удобно.

— Для кого?

— Для вас.

Он не ответил. Надя снова посмотрела на фотографию. Теперь она заметила, что у края снимка, в отражении витрины, виден силуэт. Человек стоял на другой стороне улицы. Лица не разобрать, но в руке он держал телефон.

— На фотографии есть ещё кто-то, — сказала она.

— Кто?

— Не знаю. Видно только отражение.

— Пришлите мне снимок.

— Нет.

— Надя

.— Я пришлю копию. Не оригинал.

— Хорошо.

Она сделала снимок обеих сторон и отправила его на номер Воронцова. Потом положила фотографию в прозрачный файл.

— Завтра я приду в архив, — сказала она.

— Условия остаются прежними. Я делаю копии, никто не читает мои заметки. И я хочу увидеть все документы по пожару.

— Этого дела нет в архиве компании.

— Тогда найдите его.

— Не могу обещать.

— А я не могу обещать, что продолжу работать.

— Приходите завтра. Посмотрим, что можно сделать.

— И никаких людей у моего дома.

— Их уже убрали.

— Я сама проверю.

— Конечно.

Разговор можно было закончить. Но Надя не нажала отбой.

— Вы действительно ушли в 00:14?

— Да.

— И Лев был жив?

— Да.

— Тогда почему он не вышел следом за вами?

— Не знаю.

Воронцов произнёс это без паузы, но Надя всё равно услышала в словах то, чего он не сказал: я тоже задавал себе этот вопрос.

— Вы не вернулись за ним?

— Вернулся.

— Когда?

— Через двадцать минут.

— Пожар уже начался?

— Да.

Она села на край стола. Телефон прижала к уху так крепко, что заболели пальцы.

— Вы видели его?

— Нет.

— А что видели?

— Дым. Пожарных. И машину, которая уезжала от мастерской.

— Вы запомнили номер?

— Нет.

— Цвет?

— Тёмный.

— Марку?

— Нет.

— Значит, вы ничего не знаете.

— Знаю, что кто-то хотел, чтобы я выглядел виновным.

— А может, вы просто не хотите выглядеть виновным?

Воронцов помолчал.

— Это возможно.

Надя не ожидала такого ответа. Она приготовилась к отрицанию, угрозе, очередной уверенной лжи. Но он не предложил ей верить ему. Не попросил довериться.

— Завтра, — сказала она.

— В девять.

— В девять.

Она отключилась. Потом заперла дверь на цепочку, проверила замок и убрала фотографию в ящик стола. На конверте отпечатков пальцев она не обнаружила — только след от едва заметного надрыва. Кто-то знал её адрес. Кто-то знал, что Воронцов был у мастерской. Кто-то хотел, чтобы она считала его убийцей. Или хотел, чтобы она поняла: Воронцов оставил Льва умирать. Надя вернулась к календарю и перечитала запись: «Спросить М. про комнату без окон». Внизу, под коробкой, нашёлся ещё один листок. Она уже видела его раньше, но принимала за кусок упаковочной бумаги. Теперь различила продавленные буквы. Лев писал на верхнем листе, а этот лежал под ним. «Если Надя спросит — не говори ей про Воронцова». Под фразой было добавлено позже, другим почерком: «Если она уже спросила — пусть не верит ни ему, ни мне». Надя долго смотрела на слова. Потом услышала, как за дверью кто-то оставался. Не постучал. Не позвонил. Просто стоял по ту сторону, совсем близко. Она достала телефон и включила запись. Шаги не прозвучали. Зато под дверью медленно протолкнули ещё одну фотографию.

Комната без окон.

Надя не сразу подошла к двери. Она держала телефон включённым на запись и смотрела на узкую полоску света под порогом. Если кто-то стоял снаружи, тень должна была её перекрыть. Свет не менялся. Надя дождалась, пока запись отсчитает ещё минуту, и только тогда приблизилась к глазку. Площадка была пуста. Она сняла цепочку, но дверь открывать не стала. Сначала сфотографировала снимок из-за порога, потом надела перчатки. Фотография лежала лицевой стороной вверх. На ней был Лев. Он стоял перед кирпичной стеной и смотрел куда-то мимо камеры. Щёки впалые, волосы отросли, на правой скуле тёмное пятно. Не тот весёлый Лев, который держал под мышкой холст на вчерашней фотографии. Этот выглядел старше — и гораздо испуганнее. Надя перевернула снимок. На обороте не было ни даты, ни послания. Только адрес: «Рубежная, 14». Тот самый адрес из таксомоторной квитанции. Надя снова посмотрела на фотографию. За плечом Льва виднелась металлическая дверь с круглым вентиляционным отверстием. На кирпиче слева кто-то мелом вывел цифру семь. Она увеличила снимок на телефоне. Качество было плохим, но лицо узнавалось. По линии подбородка, по шраму над бровью — тонкому, почти белому. Лев получил его в детстве, когда упал с велосипеда. Надя была рядом и потом два дня выслушивала, что он совершил «блестящий манёвр». Это был её брат. И он был жив. Надя опустила руку на пол, прижав ладонь ко рту. На миг всё вокруг стало плоским: дверь, стены, пол. Снимок в пальцах — единственное, что оставалось настоящим. Потом она заставила себя встать. Не звонить Воронцову. Не бежать на Рубежную. Не верить фотографии только потому, что очень хочется. Она сохранила снимок, сняла его с обеих сторон и убрала в прозрачный файл. Затем позвонила по номеру экстренной службы, который открыла раньше, и сообщила о незнакомце у двери. Сказала, что никто не угрожал ей напрямую, но несколько раз оставлял послания. Дежурный записал адрес и пообещал направить патруль. Пока она ждала, Надя проверила запись. За последнюю минуту в коридоре не было ни шагов, ни голосов. Только тихий щелчок, когда фотография коснулась пола. Патруль приехал через двадцать минут. Полицейские осмотрели площадку, поговорили с консьержкой, запросили записи с камер в подъезде. Пообещали связаться, если найдут того, кто оставил конверты. Надя не стала им показывать фотографию Льва. Ещё не сейчас. Утром она вышла из дома на час раньше. До Рубежной было два квартала от станции метро. Надя не собиралась туда идти одна, но сперва хотела увидеть адрес своими глазами. Улица оказалась короткой и неприметной. Старые склады, автомастерская, заброшенный магазин сантехники. Дом номер четырнадцать стоял за сетчатым забором. Когда-то здесь была ремонтная мастерская; теперь окна первого этажа заколотили фанерой. У входа горела новая камера. Надя сфотографировала дом с другой стороны улицы. На стене не было цифры семь — кладку закрывали свежие рекламные щиты. Но за боковым проездом она заметила низкое здание с металлической дверью. Круглое вентиляционное отверстие. Кирпичи. Она не подошла ближе. Позвонила в архив Воронцова и сказала, что будет к девяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.